

Мужские прозвища в Воронежской области

© Л. В. НЕДОСТУПОВА

В статье представлены мужские прозвища поселка Высокого Таловского района Воронежской области, которые поддерживаются народной традицией и являются частью русской культуры.

Ключевые слова: прозвища, носители языка, основное лексическое значение слова, дополнительный компонент в семантике, яркость и образность слова, субъективное отношение говорящего к объекту речи.

Возникновение прозвищ зачастую объясняется удобством в общении, необходимостью избегать путаницы, например, когда люди имеют одинаковую фамилию или имя.

В прозвищах отразился особый, творческий взгляд народа на отношение к отдельной личности, как писал В.К. Чичагов: «Прозвища – слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [1. С. 5]. В.И. Даль отмечал, что «прозвище – кличка, добавочная к имени – прозвание, какое приложили кому в шутку или по какому случаю» и приводил пословицу: *Богатого по отчеству чествуют, убогого по прозвищу*. Здесь же он дал определение слову *прозывной*: «*Прозывной*, к прозыву относящийся. *Прозы(о)вчивый народ*, скорый, охочий на новые прозвания, прозвища, народ насмешливый» [2].

Каждый человек неповторим, и прозвище отличало, выделяло его среди односельчан. В материале, собранном в полевых условиях с помощью опроса жителей поселка Высокого, возраст которых составляет 70–90 лет, нами зафиксировано более тридцати антропонимов, существующих наряду с официальными именами и фамилиями.

Легче всего прозвище присваивалось человеку по внешним данным, и такая группа прозвищ, как показывает наше исследование, наиболее продуктивна, например:

Бурмыка – «Он разговарьвал ни паймешь: “бу-бу-бу...”. Голас грамак-кай, страшнай. Да и сам он был бальшушшай, агромнай. Яго и прзвали Бурмыка, а сямью йихнюю – Бурмыкины, Бурмытины»;

Вышихтон (Вышинский) – «Яго никада па имени ня звали, фсяды ток так: Вышихтон, а хто и Вышинским звал. Он дюжа бальшого росту был, высокая, крепкай, да и гордай мужучок»;

Гундосый – «У няго был нос праломлиннай, кверху глядел. Он гундел, гварил нихарашо. Вот и дражнили яго Гундосый»;

Калач – «Тут версии две: ва-первых, у няго ноги калачом, а ва-фтарых, рани хадил пойист Варониш-Калач, а он притарговвать любил: ну чё мош лишния аставайитца, вазил туды прадавать. И вот как выхадной заходя, так он гварил: “Я паеду на Калач”. Люди глядеть, он ф пятницу с вечера с павоскай идя к пойизду на Калач. Вот и прилипла к няму “Калач”, а дитей яговых Калачёвы завуть»;

Касой – «Касой хадил тихонья, он вить адним глазам ничаго ня видел, прижмурялси»;

Косорукий – «Он был биз руки, ни было йие. На мельницы атарвало. Пришлось с аднэй рукой жить. А он и на машини ездил, фсе делал аднэй рукой. Так и звали Касарукий»;

Лихой – «Лютый был мужик, жану сваю ганял и бил, с дятями строга. Яго и люди-та баялись. Вот и дали яму имя Лихой»;

Мальшка – «Яго так стали звать патаму он дюжа бальшой да полной. Ходя стипенна, ни спяшить. Он и па характеру ня шустрой, едя пати-хонья на лашатги сваей, па старанам паглядвая. Жана фсяды при нём, визьде ани вмести, парачтий, рядушкам»;

Ни трящци – «У няго был какой-та асобиннай разговор, писклявай, ну власнай. Вот за эта яму жана и дала такую прозвишшу “Ни трящци”. Самоня был куралесник. Дали яму новай трахтар, чиб он работал на нём. И вот он падьяжжая к сваму двару, жана сумку вынося с харчами, чиб он мох на работи пиркусить. Ана к трахтару, а он ат ние, круг зделая и апеть падьяжжая. “Ни трящци, астанавися, чё ш ты делайишь?” А как астанавитца ня зная, ня можа. Так и кружил скольтя разоф. Да тады сасет йихний увидал этая патеху, да кой-как падал яму черис стякло сумку с харчами, и он уехал»;

Полторашка – «Он был дюжа здаровай, дюжа высокая, бальшой. В нём была палтара чилавека, так и звали Полтарашкай»;

Рябой – «Он вярнулси с вайны, фся лицо у няго была патыкана. Лябо ат асколкаф асталася, хто яго зная. Так вот и стали звать яго Рябой».

Скороход – «Спакойнай был, хадил ели-ели, тиха. Никуды ни спяшил, ни тарापилси. Люди бягуть дамой, а этат ели идя. Сразу яму дали имю Скарахот».

Многие прозвища жители Таловского района получали за свои увлечения, мечту, или за нестандартное поведение, например:

Аншэк – «Тады играли в карты на деньги. Вот скок рас играють, сток он и выигравал. Нихто яго ня мох абьягорить. Ток он фсех апшэквал. Вот и прадражнили яго Аншэк, Апшэк. Так и да старости он йим был Аншэкам»;

Заяц (Зайчик) – «Када ани на Кубани жили, он любил на ахоту за зайцами хадить. Фсяды принасил дабычу. Тут и прадражнили Зайцам, а хто и Зайчиком звал»;

Картушонок (Картушин) – «Уж дюжа баявой был, имацанальной. В гости ежели к каму придя и чуть чаго ни па нём, сразу кричить: «Аддайте мой картус, я пашёл атсудава». А расточтим нибальшой, прадражнили Картушонкам»;

Козырь – «Он был заядлай картёжник, любил карты и шумел: “Козырь Хрести, бей тузом”. Вот и празвали так яго, а дитей яговых “Казыриштины”, “Казырихины”»;

Кутик – «Кутик дюжа любил выпифку: самагончик, вотку. Кажнай день заглядвал ф стакан. Худой да слабинтий, а пакутить любил. Так и прилипла к нему “Кутик”»;

Ничка – «Играли в расшибали. Кидали круглаю калоду, делали чарту, а за ней деньги – пятак иль три капейти. Ни папала, значитца пирябрасвать нада. Вот у няго када пападала на чарту, он гварил: “Ничка”. У нас на Кубани так гварили: ни чарта, а ничка. Вот яго так и празвали, а симейству ягову Ничкины»;

Полковник – «Фсе в моладасти хатели кем-та быть, да ни у ва фсех палучилася. Вот и он вроди училси няплоха, да ня смох паступать. Эт вить нада ат матри была уажжать, ня фсе на эта шли. Ни атпустила мать яго ат себе, а Палковникам он так фсю жизнь и пражил»;

Профессор – «Так яму хателася лячить фсех, как падапеть, то гварил “Я прафессар, хоть и ни састаялсь”»;

Ярок – «Он любил па аврагам, па ярам лазить. Асобинна када вясной вада разальетца, он ф сапагах фсе лужи пирямерия. Вот и прадражнили Яром».

Представленные прозвища мужчин отражают индивидуальные качества личности: физические особенности (внешность, черты лица, рост, вес, фигура), неполноценность (наличие увечий), остроту органов чувств и речи, поведение, манеру говорить, увлечение, мечту и т.д. Прозвища, образованные по этим признакам, зачастую воспринимаются людьми как обидные и употребляются в разговоре как упоминание о третьем лице, а при обращении к носителю негативного прозвища – только в конфликтных ситуациях. Прозвища, образованные от имени, фамилии и профессиональной или служебной деятельности, в основном, не несут отрицательной эмоциональной оценки. Когда они передаются по наследству, то теряют свою оценочность. Следует отметить, что важной особенностью уличных имен и фамилий является понятность их только

тем, кто живет в данном социуме. Причем иногда паспортная фамилия менее известна, чем уличная прозвищная.

У недавно приехавших в поселок прозвищ не зафиксировано. Причиной этого факта можно считать незнание характера и отличительных особенностей незнакомых людей, следовательно, невозможность дать им сразу оценку.

Как показывают наблюдения, многие рассмотренные слова имеют, помимо основного лексического значения, дополнительный компонент в семантике. Такие компоненты обуславливают яркость и образность слова, несут информацию эмоционального и оценочного характера, которая передает субъективное отношение говорящего к объекту речи. Суффиксы *-ашк-*, *-ок-*, *-онок-*, *-ик-*, *-ин-*, *-ыч-*, *-ышк-*, *-юх-* придают словам нужную эмоциональную окраску (ироничную, насмешливую, ласкательную, уменьшительную, преувеличительную, пренебрежительную, восторженную и т.д.). Некоторые прозвища становятся общеупотребительными, другие остаются не для всеобщего пользования, так как являются обидными и грубыми.

Как правило, для прозвищ характерно быстрое обновление, сменяемость от поколения к поколению не только принципов мотивации и словообразовательных моделей, но и самого лексического состава [3. С. 299].

Примечание: в статье используется упрощенная транскрипция. Звук [г] в говоре фрикативный.

Литература

1. Чичагов В.К. История русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. II.
3. Королёва Е.Е. Русские прозвища Латгалии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / СПб., 2013. С. 299–312.

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет*